

УДК 340.124

DOI: 10.17223/1998863X/39/16

В.Н. Гончаренко, М.В. Гончаренко

РЕЛЯТИВИЗМ Г. КЕЛЬЗЕНА И «ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА» ПЛАТОНА

Рассмотрена проблематика правового релятивизма и его оснований в философии права Г. Кельзена. Принцип нормативизма Г. Кельзена проанализирован в контексте «основного принципа законодательства» Платона на основании нормативного догматизма последнего. Принцип правового релятивизма и принцип нормативного догматизма – необходимое единство; догматизм нормы, структурирующей социальное пространство, претерпевает постоянные изменения, возможность которых определяется конвенцией.

Ключевые слова: Г. Кельзен, Платон, норма, правовой релятивизм, нормативный синкретизм.

...Ты говоришь о государстве, устройство которого мы только что разобрали, то есть о том, которое находится в области рассуждений, потому что на земле, я думаю, его нигде нет.

Платон «Государство»

В современной философии права идея нормативизма как «чистое учение о праве» (Кельзен) является одной из актуальных и востребованных в связи с проблемой взаимоотношений следования правилу и интерпретации нормы. Естественным образом данная проблематика, с одной стороны, имеет отношение к аналитической философии права в силу фактора правилосообразности. С другой стороны, представляется невозможным игнорировать то, что нормативизм как «чистое учение о праве», разработанный Г. Кельзеном, имеет много общего с «идеей основного принципа законодательства», представленной Платоном в «Законах». К примеру, приводя краткую характеристику философии права Г. Кельзена, А. Дидикин отмечает, что «чистая теория права» основана на «философско-метафизических представлениях о правовой реальности как соотношении бытия и долженствования» [1. С. 266]. Это само по себе указывает на то, что феномен права как элемент долженствования предопределён феноменом Мира социального взаимодействия как элементом бытия. Однако возникает вопрос, насколько серьёзное влияние испытывает «чистое учение о праве» со стороны мира социального взаимодействия?

Методологическое значение «чистого учения о праве» в контексте идеального государства Платона. Для того чтобы определить степень данного влияния, обратимся, вслед за А. Дидикиным, к принципу релятивизма: «Методологически это означало раскрытие сущности права вне зависимости от политических, социологических и психологических факторов, которые определяют социальные и исторические основания развития правовой системы» [1. С. 266]. Данное предположение А. Дидикин делает на основании выводов самого Г. Кельзена [2] по поводу взаимосвязи философского мировоз-

зрения и политических действий, урегулированных в правовом отношении. То есть то или иное решение, принимаемое политическим субъектом, может быть легитимным, если оно согласовано с действующей правовой нормой, а может быть и нелегитимным, если оно противоречит последней.

Коллизия заключается как раз в том, что история не имеет примеров, подтверждающих неизменность той или иной правовой нормы. Философское мировоззрение, предполагающее необходимость монархической формы правления, фактически предопределяет и соответствующую норму права. Но тем не менее в истории всегда происходило так, что появлялось *другое* философское мировоззрение, которое предполагало необходимость другой формы правления, а следовательно, и предопределяло *другую* норму права. Именно появление этого *другого* свидетельствует о необходимости нормы как таковой, а не о необходимости конкретной нормы права. Поэтому трансформация форм правления – это комплексная трансформация политико-экономического сегмента и его нормативно-правового основания. Ничего нового, если «считать прекрасным то, что действительно прекрасно, и безобразным то, что действительно безобразно» [3. С. 127]. Но возможно ли это, учитывая принцип конвенциональности и правилосообразности в обосновании критериев? Другими словами, ни с этим ли связан релятивизм и отождествление государства и права в работах Г. Кельзена?

Что же касается правового сопровождения идеального государства Платона (с точки зрения принципа релятивизма), то здесь следует признать, что всё становящееся и меняющееся в этом государстве, включая не только действия субъектов, но и их правовую оценку, очевидным образом коррелирует с тем самым неизменным законодательным принципом, реальность которого (его практическое применение) совершенно противоположна его истинной сущности. То есть, учитывая основные положения теории познания Платона, можно констатировать, что именно возможность идеального законодательства предопределяет реальную правовую систему государства (впрочем, точно таким же образом дело обстоит с идеальным и реальным государством). Для подтверждения выдвинутого предположения воспользуемся следующим рассуждением Платона: «Эти самые кровати бывают тройкими: одна существует в самой природе, и её мы признали бы, думаю я, произведением бога ... Другая – это произведение плотника ... Третья – произведение живописца...» [4. С. 391]. Так или иначе, с тем же мы встречаемся и в законах: «Во-первых, сущность вещи, во-вторых, определение этой сущности, в-третьих, её название» [3. С. 418]. Приведённые рассуждения Платона отсылают нас к проблеме корреляции реального и идеального, что возможно посредством символа, будь то произведение искусства, понятие или норма права. Возможно, именно это является основанием релятивизма, предопределяющего перманентное становление правовой нормы.

Дихотомия бытия и долженствования как условие возможности правовой нормы. По Г. Кельзену, «норма функционирует в качестве схемы истолкования» [5], что говорит нам о качественном отличии между миром социальным и миром природным [1. С. 267]. Действительно, нормативное толкование определяет в сущности тот или иной поведенческий акт субъекта как соответствие или несоответствие должному, но это совершенно невоз-

можно по отношению к природным действиям. В последнем случае правовая система вынуждена использовать термины типа «крайней необходимости». То есть, например, то или иное действие субъекта было произведено в результате «крайней необходимости», а не вследствие «самообороны». Таким образом, всё то, что имеет отношение к миру природных явлений (в том числе и к техногенным факторам), соотносится в законодательной системе исключительно с «крайней необходимостью», а не с «мерами самообороны». Но это не означает, что реальный акт человеческого поведения, определяемый чем-то одним из двух, в одном случае будет соотнесён с правовой нормой, а в другом – не будет. В любом случае поведение субъекта является содержанием правового бытия [6].

При этом нужно учитывать и следующее. Г. Кельзен считает [1. С. 268], что долженствование является субъективным смыслом акта воли, поэтому действие/бездействие субъекта с его точки зрения может и совпадать с долженствованием (например, действия Робин Гуда), но оно не будет совпадать с долженствованием в объективном смысле. Пример с действиями Робин Гуда указывает нам ещё на одну тривиальную проблему: проблему конвенциональности нормы. «Долженствование в объективном смысле» в этом контексте приобретает смысл средней температуры по больнице, потому что объективный смысл долженствования сообщества, члены которого получают пряники Робин Гуда (в силу идеи социальной справедливости), прямо противоположен объективному смыслу долженствования у тех, у кого эти пряники отобрали (в силу идеи частной собственности). Следовательно, аргументы, которые могли бы помочь с установлением степени объективности суждений данных сообществ, – это аргументы, целиком определяющиеся конвенционально.

Однако Г. Кельзен обратился к обоснованию логической иерархии правовых норм. Это стало возможным по причине того, что «вслед за Г. Когеном и его идеей "государства как формы права" Кельзен считает, что государство не принадлежит эмпирической реальности, а соответствует определённому правопорядку, персонифицируя его. То есть помимо субординации нормативное единство правопорядка обеспечивается предположением о существовании "основной нормы"» [1. С. 268]. Обратим внимание, что эта основная норма здесь является некой необходимой *формой*, условием или категорией [1. С. 268] правопорядка. Возможность же самой этой формы обусловлена конвенцией. Поэтому иерархия норм права, благодаря которым осуществляется следование одной нормы из другой, в конечном итоге позволяет и такое следование, при котором любая социальная норма или идея может приобрести форму нормы права. Например, с точки зрения правоприменения совершенно понятно, почему Робин Гуд должен быть (и будет) наказан – суд руководствовался нормой права о неприкосновенности частной собственности и т.д., но с точки зрения долженствования это (единственно возможное) решение суда едва ли сможет соответствовать правомерности долженствования в силу идей социальной справедливости, социальной ответственности, т.е. всего того, что смогло сохранить Робин Гуда в народной памяти в качестве однозначно положительного персонажа, действия которого соответствовали долженствованию.

Возвращаясь к вопросу о различии между социальным и природным, представляется необходимым обратить внимание на следующее рассуждение Платона, в котором он приводит мнение своих оппонентов: «Ну, а в государственном управлении, утверждают эти люди, разве лишь незначительная какая-то часть причастна природе, большая же часть – искусству ...и всякое законодательство обусловлено будто бы не природой, но искусством; вот почему его положения далеки от истины» [3. С. 409]. Данное мнение Платоном оспаривается, так как он полагает, что долженствование заключается не в жизни сообразно с природой, а в строгом (социальном) подчинении одних другим [3. С. 410]. В свою очередь, Г. Кельзен подходит к обоснованию данного различия так: «Если мы проанализируем наши предложения, касающиеся человеческого поведения, мы обнаружим, что связываем акты человеческого поведения друг с другом и с другими фактами не только и не исключительно в соответствии с принципом причинности, принципом, которому в науке пока ещё нет общепризнанного термина ... мы вправе рассматривать общество как порядок или систему, отличающуюся от природы...» [7. С. 271] и «Такое различие существует только между естественными науками и науками, которые интерпретируют человеческие отношения не на основе принципа причинности, а в соответствии с принципом вменения... Таковы нормативные социальные науки, такие как этика, теология и юриспруденция. Как науки они не предсказывают и не допускают, то есть не формулируют нормы социального поведения, – они описывают социальные нормы и социальные отношения, установленные такими нормами. Принцип причинности утверждает: если существует А, то существует (или будет) В. Принцип вменения утверждает: если существует А, то должно быть В» [7. С. 275–276].

Из этого следует, помимо преемственности взглядов авторов, что долженствование, устанавливаемое актором, возможно не только на основании конвенциональности (что, кстати, выглядит совершенно не так однозначно в случае с принципом природной причинности), но и в силу исторически актуальных социальных представлений. Если привлечь в качестве примера ранее упоминавшиеся пряники Робин Гуда, то становится очевидным, что его «долженствование», с точки зрения сообщества получателей пряников, может стать нормативным исключительно после получения статуса «долженствования» самой идеи социальной справедливости и никак иначе.

Идея международного права в контексте международной войны и идея суверенности государства. Рассматривая идею Г. Кельзена о приоритетности норм международного права с позиции релятивизма, А. Дидикин отмечает, что нормы международного права признают (или не признают) государственность того или иного образования и т.д. Поэтому государства, обладающие непризнанным суверенитетом, тем или иным образом «доказывают» своё право на суверенитет [1. С. 269], так как международное признание такого государства могло бы обеспечить не только легитимность его членства в искомом (международном) сообществе, но и обусловить дополнительные возможности при принятии/осуществлении тех или иных решений мировым сообществом.

При этом способы «доказательства» государственного суверенитета могут быть весьма разнообразными, но все они сводятся к тому, что Платон

описал следующим образом: «Ибо то, что большинство людей называют миром, есть только имя, на деле же от природы существует вечная непримиримая война между всеми государствами» [3. С. 9]. По нашему мнению, именно тезис о войне как естественном состоянии мира делает возможным предположение о причине правового релятивизма. Дело в том, что нормативность международного права, являясь по сути ограничителем суверенности государства, в конечном итоге обуславливает «пересмотр» этой нормативности самим государством. К сожалению, невзирая на основную цель международного права – упорядоченность отношений между государствами – эти государства периодически «вынуждены» пересматривать нормативность своей суверенности, а следовательно, и переутверждать свою роль в мировом сообществе.

Таким образом, основанием правового релятивизма, как это ни странно на первый взгляд, является, прежде всего, сам принцип нормативности, и нормативизм международного права, который находится в состоянии перманентных изменений, в этой связи наглядный пример.

Нормативный догматизм как утверждение причинности у Платона и конвенциональная природа нормы, подтверждающаяся принципом релятивизма, у Г. Кельзена. Обратимся к следующему рассуждению: «Очень вероятно, что первобытный человек не использовал принцип причинности, чтобы объяснить природные явления, и сама идея причинности как фундаментального принципа науки о природе – достижение относительно развитой цивилизации. Для древнего человека интерпретация фактов основывается на тех же смыслах и принципах, которые определяют его отношения с собратьями, иначе говоря, в соответствии с социальными нормами. Фундаментальный факт состоит в том, что если человек живет вместе с другими людьми в группе, в их сознаниях появляется идея, что некоторое поведение правильное, а некоторое нет, другими словами, что члены группы должны вести себя при определенных обстоятельствах определенным образом. Фундаментально и то, что человек в группе воспринимает взаимное поведение в соответствии с такими нормами» [7. С. 273]. Из этого рассуждения Г. Кельзена следует: во-первых, констатация на ранних этапах нормативного синкретизма (невозможность разделения принципа причинности и принципа вменения); во-вторых, констатация конвенциональности нормы. Другими словами, норма – феномен, определяющий то или иное положение дел. (Правда, в соответствии с логикой Г. Кельзена нормативный принцип причинности вторичен по отношению к нормативному принципу вменения). Это, собственно, и является основанием принципа правового релятивизма у Г. Кельзена. Норма структурирует социальное пространство тем или иным образом. Значит, принцип вменения (награды или порицания/наказания) конституируется актуальными для конкретного исторического момента нормами.

Тем не менее, по-нашему мнению, правовой релятивизм Г. Кельзена можно представить как один из возможных вариантов нормативного догматизма Платона, основанием которого, по всей вероятности, является как раз принцип нормативного синкретизма. В «Законах» Платон отмечает: «Я хотел сказать, что никогда никто из людей не даёт никаких законов, но все законы даются нам случайностями и разными выпавшими на нашу долю несчастья-

ми ... ни один смертный не даёт никаких законов, но всё зависит от судьбы и случая» [3. С. 194–195]. Случайности, несчастья, судьба, случай – всё это является тем, что Г. Кельзен, как мы видели ранее, соотносит с принципом причинности. Следовательно, нормативный синкретизм – это состояние правосознания Субъекта, предшествовавшее обособлению принципа причинности, который, в свою очередь, определил как правомерность правового релятивизма, так и правомерность нормативного догматизма, который обусловлен архетипом нормы [3. С. 140]: *быть* должно то, что (не имеет значения, что) *должно*.

Литература

1. Дидикин А. Б. Философия права Ганса Кельзена: релятивизм и переосмысление причинности // СХОЛН (Schole). 2015. 9.2. С. 265–271.
2. Кельзен Г. Абсолютизм и релятивизм в философии и политике // Гуманитарные науки и модернизация правовой системы государства: российский и зарубежный опыт: Труды III Международной конференции. Новосибирск, 2014. С. 191–200.
3. Платон. Законы. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007. С. 89–513.
4. Платон. Государство. М.: Мысль, 1999. С. 79–420.
5. Кельзен Г. Динамический аспект права, Конституция и власть: сб. трудов. М., 1999.
6. Оглезнев В. В., Суворцев В. А. (2014) Правила, юридический язык и речевые акты // СХОЛН (Schole). 2014. 8.2. С. 293–303.
7. Кельзен Г. Причинность и вменение // СХОЛН (Schole). 2015. 9.2. С. 271–282.

Valentina N. Goncharenko. The Russian presidential academy of national economy and public administration (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: albaregia1960@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/39/17

Mark V. Goncharenko. National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: markgon73@rambler.ru

DOI: 10.17223/1998863X/39/16

H. Kelsen's RELATIVISM AND PLATO'S "BASIC LEGISLATIVE PRINCIPLE"

Key words: H. Kelsen, Plato, norm, juridical/legal relativism, normative syncretism

This research is devoted to the analysis of the juridical relativism and its grounds in H. Kelzen's philosophy of law, presented in A. Didikin's article "Hans Kelzen's Philosophy of Law: relativism and rethinking of causality". H. Kelzen's principle of normativism ("pure theory of law") is analyzed in the context of Plato's "basic principle of legislation" on the basis of normative dogmatism of the latter. The authors came to the conclusion that the principle of legal relativism and principle of normative dogmatism are an essential unity, as norm dogmatism as an essential form structuring social context undergoes constant changes, which are determined by convention.

In the contemporary philosophy of law the idea of normativism as "pure doctrine of law" (Kelzen) is one of the acute and demanded in connection with the problem of interaction of following the rule and norm interpretation. H. Kelzen's principle of relativism can be considered as one of the possible variants of Plato's normative dogmatism, which is apparently based on the principle of normative syncretism. That is why, H. Kelzen refers accidents, misfortunes, fate, chance to principle of causality. Hence, normative syncretism is a state of Subject's legal consciousness, which preceded segregation of principle of causality, which determined eligibility both of legal relativism and of normative dogmatism conditioned by norm archetype: there must be that (it is not important what) what is appropriate.

Also, the authors formulate and prove the supposition that the dichotomy of being and obligation is the main condition of legal norm existent. Comparing Plato's approach to legislative organization, its role in state's existence and H. Kelsen's conception of legislation the authors analyzed the idea of the international legacy in the context of international war and state's independence.

References

1. Didikin, A.B. (2015) *Filosofiya prava Gansa Kel'zena: relyativizm i pereosmyslenie prichinnosti* [Philosophy of law of Hans Kelsen: Relativism and rethinking of causality]. *ΣΧΟΛΗ (Schole)*. 9(2). pp. 265–271.
2. Kelsen, G. (2014) [Absolutism and relativism in philosophy and politics]. *Gumanitarnye nauki i modernizatsiya pravovoy sistemy gosudarstva: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt* [Humanities and Modernization of the State Legal System: Russian and Foreign Experience]. Proc. of the Third International Conference. Novosibirsk. pp. 191–200. (In Russian).
3. Plato. (2007) *Zakony* [Laws]. St. Petersburg: Oleg Abyshko. pp. 89–513.
4. Plato. (1999) *Gosudarstvo* [State]. Moscow: Mysl'. pp. 79–420.
5. Kelsen, G. (1999) *Dinamicheskiy aspekt prava* [Dynamic Aspect of Law]. In: *Konstitutsiya i vlast'* [Constitution and Power]. Moscow.
6. Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (2014) *Pravila, yuridicheskiy yazyk i rechevye akty* [Rules, Legal Language and Speech Acts]. *ΣΧΟΛΗ (Schole)*. 8(2). pp. 293–303.
7. Kelsen, G. (2015) *Prichinnost' i vmenenie* [Causality and imputation]. *ΣΧΟΛΗ (Schole)*. 9(2). pp. 271–282.